

*Простите, простите, простите меня!
И я вас прощаю, и я вас прощаю.
Я зла не держу, это вам обещаю.
Но только вы тоже простите меня!*

Александр Володин

Мобильный телефон лежал на кухне с выключенным сигналом вызова. Юрий Иванович старался не смотреть на него, потому что совсем растерялся и не знал, что говорить звонившим или куда звонить самому.

В ночь на воскресенье в семье Юрия Ивановича пропала старшая дочь, умница Женечка. В субботу поехала из Павловского Посада в Москву к своему парню, студенту-первокурснику Шутову, и домой не вернулась. Отец не спал, ждал телефонного звонка, но не дождался. Сам ей не звонил. Догадывался, что услышит от дочки правду. Очень этого не хотел, боялся, что сорвётся и наговорит глупостей.

Промаялся до утра, весь следующий день прошагал по большой комнате из угла в угол. Жена Наташа, тяжело больная, с четверга лежала в психиатрической клинике на процедурах. Младший сын Ясик по случаю летних каникул был отправлен к тётке в деревню. Одинокая квартира казалась чужой и, несмотря на июньское солнце, промывшее светом окна, холодной.

Юрий Иванович давно понял, что семейная жизнь его рушится. Он так любил свою жену и детей, переживал за них, делал для них всё возможное и невозможное, забывая о себе и чуть ли не во всём себе отказывая. Ну, там, с друзьями на футбол, посидеть иногда с пивком после работы, покурить не на лестничной клетке, а на лоджии. Получается, сам себе сбил фокус. Безобидные глупости раздул до слоновьих размеров, а главное потерял из виду, прошляпил, упустил. И в конце концов

перестал относиться к себе с уважением. Может быть, надо было поступать жёстче, по-мужски?

Любить люблю, но слово последнее за мной, а не за вами?

Любить любил, а ничего хорошего, достойного в собственной семье не наладил. Сорок восемь лет, а глаза как у вечного подростка. Чего теперь ждать уважения от других, когда сам себя не уважаешь?

В понедельник после работы сел на электричку и отправился в Москву. Студент-первокурсник жил в Бирюлёве, адрес Юрию Ивановичу дала Женечка, чтобы отец не волновался, где она будет отмечать прошлый Новый год. На метро доехал до станции «Царицыно», потом автобусом до Липецкой улицы, там быстро нашёл нужный дом. Долго слонялся у подъезда, потому что никак не решался набрать номер квартиры в домофоне. Но повезло, наконец. Выходила девушка с коляской, и Юрий Иванович придержал дверь. А потом юркнул в подъезд. Сорок восемь лет, а всё как подросток, тьфу ты, господи!

– Папка, ты? – Женечка, вся растрёпанная и счастливая, кинулась целовать отца. – А мы тебя не ждали. Проходи скорей, ты как раз к ужину.

На ней был короткий топик и жёваные джинсовые шорты. Босоногая, размахивающая руками и хохочущая, она шла впереди отца в кухню, а он вдруг понял, что дочка выросла и стала молодой женщиной, с очень красивой фигурой, сочным голосом и узкими розовыми пятками.

«У Наташи когда-то были такие, – неожиданно вспомнил Юрий Иванович. – Там, в Ялте. Как назывался тот дом отдыха? “Волна” или “Бриз”?»

– Здравствуйте! – студент-первокурсник поднялся из-за стола и протянул ему руку. – Садитесь сюда, спиной к окну. Жека, давай тарелки! Я сейчас ласты сложу от голода. Водку будете?

– Я вообще-то по делу, – Юрий Иванович боком подсел к столу и скромно сложил руки на скатерти. – Понимаете?

– По какому?

– Женечка уехала к вам в субботу, а сегодня уже понедельник. Я не очень понял, что происходит. Вот, собственно, и всё.

– А, по этому... Жека такая, – студент достал из холодильника высокую узкую бутылку и показал этикетку гостю. – «Серый гусь», пробовали? Франция, шедевр. Не наш палёный отстой. Сейчас накатим. Жека, давай стакановиды и хватит жаться по углам. Это ж твой отец, а не полиция нравов.

Юрий Иванович старался говорить спокойно, как отец с расшалившимися, но обычно послушными детьми:

– Понимаете, э-э...

– Шутов. Меня все так зовут. Своё имя, Архип, я ненавижу.

– Ну да, – Юрий Иванович улыбнулся: «Чует кошка... Замяукала... Ладно». – Можно, я вас всё-таки по имени?

– Как угодно. Можете, кстати, тыкать.

– Неудобно вроде.

– Как угодно.

– Дело в том, что Женечка...

– Дело в том, что она будет жить у меня.

– Но... Разве это можно? Дочка только что окончила школу. Ей надо поступать. И вообще...

– Что вообще?

– Спросить её мать, например.

– Которая сумасшедшая?

Юрий Иванович растерялся. Этот Шутов был непробиваем. Он уже разлил водку по стопкам и свою держал в руке. То есть отступить было поздно.

Женечка расставила тарелки с едой, нарезала хлеб и под села к мужчинам. Тоже подняла стопку, держа её в кулачке крепко, словно зверька, готового выпрыгнуть. Совсем как её мать, как Наташа, и лицо у неё стало вдруг серьёзным, как у Наташи, которая тоже всегда поднимала бокал с вином точь-в-точь как научный деятель свой доклад.

Чокнулись, выпили, склонились над тарелками. Французская водка действительно оказалась шедевром, крепкой, лёгкой и невероятно чистой. Еда, не то рис, не то пшено с зеленью, мясом и, кажется, толчёными орехами, тоже была очень вкусной. Юрий Иванович тайком наслаждался. У них в доме ели кое-как, на перекладных, макароны, гречка, пельмени. Наташа редко-редко, под праздник, варила солянку со свиной требухой и пекла торт с лимонной цедрой. Но теперь, заболев, на кухне вовсе не появлялась. Поэтому готовили каждый для себя, наспех и без души. Ясик иногда разводил нюни и закатывал истерики. Тогда отец варил ему любимую рисовую кашу и посыпал её изюмом. Пацан мог съесть три тарелки в один присест. Это выручало.

– Нравится?

Женечка внимательно смотрела на отца и покусывала нижнюю губу. Тоже Наташина привычка. Тоже в прошлом.

Юрий Иванович причмокнул и покивал головой.

– Очень вкусно, – потом он как бы с сожалением отодвинул пустую тарелку. – Что это такое? Как называется?

– Пропаренное пшено с курицей и овощами. Кускус, африканское блюдо.

– Никогда не пробовал. Сама готовила?

– У нас Шутов на кухне главный. Меня не пускает, называет тупицей и кочергой.

«У нас... Как у них всё быстро. Только надолго ли?»

– Жека, иди отдохни. Мы тут потолкуем.

– А посуда?

– Я сам вымою. Посиди за компом, проверь мою почту, пожалуйста. Спам не открывай, удаляй сразу. Иди. Чмоки.

Женечка ушла, на прощание улыбнувшись отцу.

Несколько минут Шутов и Юрий Иванович сидели у стола молча. За окном стемнело. Студент задёрнул штору, включил лампу со старинным шёлковым абажуром. Оранжевый свет выделил лица мужчины и юноши, а кухню сделал незаметной, но очень уютной. Говорить не хотелось, слова в этой оранжевой тишине были лишними. В неуместном человеческом говорении всегда есть самодовольство, дутая самоуверенность, что-то ложное и пошлое, вроде слёз в кинотеатре или смеха на кладбище.

– Вы странный человек, – неожиданно сказал студент. – Тихий и нелепый.

– Почему ты так решил?

– Я думал, вы драться приехали. А вы поужинали, выпили, поблагодарили. И всё в норме. И даже ни разу не матернулись.

– Зачем?

– Я же заметил, как вы смотрели на Жеку. Так смотрят на любимую вещь, которую у вас украли.

– Любимую вещь, которую украли... Налей-ка ещё водки, пожалуйста... Ну и себе тоже... Знаешь, я хочу выпить за то, что мы вырастили вас такими. Не похожими на нас. Но хорошими.

– Вы в этом уверены?

– Как-то ты это нехорошо сказал.

– Ну вот видите. То хорошо, то нехорошо. Но в основном вы правы. Мы на вас не похожи. И слава богу! За это выпьем. О-бя-за-тель-но!

Юрий Иванович посмотрел на студента внимательнее. Густые брови у парня съехали к тонкой переносице, скулы и щёки побелели, а губы почернели, словно испачканные кровью. Юрий Иванович вздрогнул и едва не выронил стопку из рук. Тем временем студент выпил и, не закусывая, пижонски откинулся на стуле.

– Хотите всю правду?

– Конечно.

– Ваша беда в том, что вы ничего не поняли в жизни. Вам скоро пятьдесят, а у вас глаза детсадовца. И плечи не как у взрослого, надёжного мужика, а словно у лакея. Которого били, бьют и будут бить. Потому что однажды вы сами решили, что ваше место в лакейской. Я специально говорю так старомодно, потому что нашего языка вы уже не понимаете. Вы отстали от нас, своих детей, на века. Жеке всего семнадцать, мне зимой будет девятнадцать, а вам не пятьдесят, а пятьсот лет. В принципе, вы уже умерли. И мы только из вежливости делаем вид, что вы живы.

Юрий Иванович терпел, потому что сердце вдруг поднялось к горлу и встало там холодным камнем. Наконец, мужчина собрался с силами и опрокинул в рот водку. Камень упал вниз, потом шевельнулся, потеплел и глухо забарабанил под левой ключицей.

– Ты думаешь, что имеешь право говорить так с незнакомым тебе человеком? С отцом девочки, которую ты без спроса увёз к себе неизвестно зачем?

– Да ваша дочь сама удрала от вас, как вы не врубите! Неужели вы даже не хотите узнать, почему она так поступила?

Мужчина поёжился, словно от нехорошего предчувствия.

– Хочу, – сказал он. – Почему?

Студент усмехнулся и опять заговорил:

– Потому что она сыта по горло враньём, которым полны ваши слова, взгляды, ужимки. Вы жили в этой стране, как в тёмном лесу, и мечтали только об одном: удрать куда подальше из страшного леса. Но удрать физически не получалось, вы боялись, поэтому удирали только в мыслях. Вас чморили байками о том, как прекрасна ваша жизнь, как светел сказочный лес, как он купается в солнечном свете, сколько сокровищ лежит под его пнями и ёлками, и вы послушно бродили годами в темноте среди пней и ёлок, не веря в брехню про яркое солнце и неусветные сокровища на цветущих полянах. Тупо делая вид, что ищите то, чего быть здесь не могло и никогда не будет.

– Что ты мелешь?

– Но вы нашли выход. Нарожав нас, своих детей, вы стали с упоением врать нам. Про тот же лес, в котором для каждого трудолюбивого, честного и терпеливого человека – а по сути, лакея! – найдётся кусочек волшебного счастья. Только вы не избавились за счёт нас от своего страха, а испугались ещё больше. Но мы выросли, поняли, куда вы нас загнали и заорали вам прямо в испуганные лица: идите в жопу!

Парень резко вскочил, навалился на стол и зашипел:

– Слушайте, слушайте меня: идите в задницу! Ваша дочь не хочет торчать рядом с вами в этом гниющем лесу. Глотать тухлое враньё про волшебные пни, солнечные поляны и ёлки. Ничего нет, лес гниёт, провонял дерьмом и кровью, которые вам выдают за великие богатства и живую воду. Всю жизнь вам ввали, но при этом хитро подмигивали: вы, мол, всё понимаете, надо потерпеть, а там дальше будет лучше. А теперь просто врут с ледяной улыбкой и стеклянными глазками Крошки Цахеса. Знаете такую мелкую тварь из сказки Гофмана? Почитайте на досуге, чем там дело кончилось. Как все молились на этого уродца, возомнившего себя великим министром, спасителем отечества и мира, и чуть не сдохли от любви к собственному страху.

Студент-первокурсник сел на место и прикрыл лицо рукой.

– А мы с Жекой хотим быть счастливыми, – голос у него вдруг зазвонел от внутреннего напряжения и желания добить словами собеседника. – Жить, любить, а не нюхать говно и пить болотные помой. Если вы хоть немного любите нас, своих детей, оставьте нас в покое. Дайте нам выбраться из вонючего бурелома на свет и воздух!

Что было потом, наверное, уже не так важно. Студент лежал на полу, а Юрий Иванович, усевшись парню на грудь, кулаком лупил его наотмашь по лицу. Оба кричали что-то сильное, важное, самое главное – а мужчине казалось почему-то, что две сцепившиеся дворняги визжат и лают с писклявым хрипом, затыкая друг другу пасти.

Когда Женечка отмывала ему распухшую руку тёплой водой в ванной комнате, он с удивлением и тоской то и дело тыкался дочке в ладони. Они пахли здоровьем и нежностью, как когда-то ладони и пальцы Наташи.

Несколько раз в ванную заглядывал студент Шутов. Он молча стоял в дверях, закидывал голову назад и зажимал ноздри. Из носа у него текла кровь, Женечка успевала подавать ему кусочки ваты из пластиковой коробочки и что-то тихо говорила, быстро и сурово, как когда-то Наташа.

Спать Юрия Ивановича уложили в комнате, на широкой софе, сунув под голову огромную подушку с бархатистой наволочкой и накрыв невесомым, но уютным пледом. А сами долго сидели в кухне, спорили о чём-то, то ругались торопливо и как-то налегке, то вдруг хохотали и, кажется, целовались.

Мужчина долго не мог уснуть. Не потому что ему было плохо, а наоборот: от размытого стеклянной кухонной дверью мягкого оранжевого света, молодых безобидных голосов и всплесков смеха ему стало так хорошо, что уходить в сон от этого «хорошо» никак не хотелось.

Утренняя ранняя электричка, которой он возвращался в свой Павловский Посад, была пустой. Юрий Иванович сидел у окна, неподвижными глазами утонув в плывущем за стеклом пейзаже, и всё думал, думал... Надо было что-нибудь сказать Женечке на прощание. Но что? Она-то ему хорошо сказала: «Такие дела, папа». Совсем по-взрослому. Чтоб не волновался. Дела – это значит жизнь. Которая, между прочим, была ему в общих чертах ясна до этого понедельника. Не полностью, но всё-таки.

А что он теперь один, в абсолютно пустой электричке (сынишка у тётки, дочь у любовника, жена в психушке), мог знать об этой самой жизни?

Понимаете? Ну что?